

«Венгерские танцы № 5» Брамса — знаменитая, заезженная до дыр классика.

В зале стояла оглушительная, звенящая тишина — казалось, слышно было бы, как падает иголка. Темно-красный бархатный занавес медленно разошелся в стороны. Дирижер в строгом фраке застыл перед оркестром, выпрямившись как струна. Взмах палочки — и зал мгновенно наполнился музыкой: прекрасная, чистая мелодия хлынула со сцены бурным потоком.

Звуки то взмывали ввысь, то затихали едва слышным шепотом. Бешеный, бурный темп сменялся плавным, размеренным течением. Музыканты на сцене казались сосредоточенными, отрешенными от реальности и глубоко погруженными в свое искусство — в этот миг каждый из них словно светился изнутри.

Гун Цзе занимала место помощника концертмейстера первых скрипок, почти у самого края сцены. Она сидела, прямая и одухотворенная, полностью растворившись в звуках, похожая на юную прекрасную принцессу. Скрипка была ее страстью, смыслом жизни, музыке она готова была посвятить себя без остатка.

— Скрипка — моя мечта, — делилась когда-то Гун Цзе с Ли Чжи. — Даже если я однажды останусь без гроша в кармане и буду побираться на улице, я все равно не выпущу смычок из рук.

Когда она говорила это, ее глаза сияли неподдельным восторгом. А потом она спросила его:

— Личжи, а у тебя есть то, что ты по-настоящему любишь?

Вопрос застал Ли Чжи врасплох. О подобных вещах он никогда в жизни не задумывался. Заметив его замешательство, Гун Цзе перефразировала:

— Ну, а кем ты видишь себя в будущем?

Будущее... О будущем он как раз думал. И ответил честно:

— Я бы хотел написать книгу. Рассказать в ней обо всем, что со мной случилось, и о хорошем, и о плохом...

Ли Чжи замолчал. Гун Цзе внимательно слушала, ожидая продолжения.

— А потом?

—... А потом я узнаю, что неизлечимо болен, и в самый последний день своего двадцатипятилетия умираю где-нибудь на чужбине.

Ли Чжи до сих пор помнил выражение ее лица в ту секунду — растерянное, сквозь которое проступала искренняя, глубокая печаль. Она ощутимо хлопнула его по плечу:

— Что за глупости ты несешь! Тьфу на тебя, не накликай беду!

Гун Цзе посмотрела на него со всей серьезностью, на какую была способна:

— Ли Чжи. Ты обязательно будешь счастлив.

«Неужели? Дай бог, чтобы все так и было».

Мелодия постепенно замедлялась, утихала, и на первый план выступил другой инструмент. В отличие от звонких, берущих за душу скрипок, контрабас звучал глухо, бархатисто и весомо, напоминая благородного джентльмена, высокомерно вздернувшего подбородок.

Он был слишком горд, чтобы явиться на зов; слушателям оставалось лишь созерцать его ускользающий силуэт — призрачный, неверный, заставляющий сомневаться, реален ли этот гость вообще.

Ли Чжи и сам не заметил, в какой момент его взгляд соскользнул с Гун Цзе и переместился в правый угол сцены, где стоял Чу Минчжан.

Сценический свет падал на него ровным, серебристым полукругом, похожим на лунное сияние. Чу Минчжан снял пиджак; классический жилет выгодно подчеркивал его безупречную, атлетическую осанку. Рукава белоснежной рубашки были небрежно закатаны, и при каждом движении, когда пальцы зажимали тяжелые струны, на руках отчетливо проступал красивый, рельефный рисунок мышц.

Это было невероятно, потрясающе красиво... Ли Чжи тщетно пытался подобрать слова, но в голове не находилось ничего подходящего.

Когда дирижер опустил руки и музыка смолкла, уступив место оглушительному шквалу аплодисментов, Ли Чжи все еще пребывал в оцепенении. Лишь мгновение спустя ладонь левой руки обожгло запоздалой тупой болью.

Опустив взгляд, он обнаружил, что пальцами правой руки докрасна стиснул собственную левую ладонь. С трудом стряхнув наваждение, Ли Чжи вместе со всеми поднялся со своего места и на негнущихся ногах побрел на выход из зала — туда, где должен был пройти праздничный банкет.

Просторный банкетный зал сиял роскошным убранством. Откуда-то лились тягучие, томные звуки саксофона, а высокая иностранка у микрофона выводила незнакомую шотландскую балладу. Центр залы пустовал — здесь оставили место для бальных танцев.

Танцевать Ли Чжи не умел, да и не стремился, так что благоразумно обошел импровизированный паркет стороной. Он решил поискать столы с закусками, чтобы как-то убить время, но стоило ему поравняться с многоярусной пирамидой из бокалов с шампанским, как он наткнулся на Гун Цзе...

Точнее, она была там не одна: вокруг нее собралась целая толпа ребят из оркестра.

— Ли Чжи! — окликнула его Гун Цзе. — Ну как тебе выступление?

— Потрясающе. Очень красиво, — с мягкой улыбкой ответил он.

— Привет, так ты и есть Ли Чжи?

К ним обратился высокий, ладно скроенный парень с открытым и приятным лицом. Он стоял, небрежно засунув руку в карман брюк, воплощая саму непринужденность. Юноша показался Ли Чжи смутно знакомым, но память отказывалась выдавать имя, поэтому он невольно задержал на нем взгляд чуть дольше приличного.

Гун Цзе осторожно потянула его за рукав и что-то быстро зашептала на ухо. Пазл в голове Ли Чжи тут же сложился: это был тот самый концертмейстер, в которого она была тайно влюблена. Спешно исправляя оплошность, Ли Чжи протянул ему руку:

— Здравствуйте, старшекурсник!

Тот скользнул равнодушным взглядом по его раскрытой ладони, проигнорировал жест и лишь снисходительно кивнул:

— Да, привет.

Рука Ли Чжи неловко повисла в воздухе. Щеки обожгло стыдом; вымученно улыбнувшись, он уже собирался убрать руку, как вдруг совсем рядом прозвучал холодный голос:

— Ты протянул не ту руку.

Ли Чжи вскинул голову и встретился взглядом с Чу Минчжаном. Гун Цзе тоже спохватилась:

— Ой, точно! Ли Чжи, здороваться нужно правой рукой.

Светский этикет... Ли Чжи вырос в совершенно другом мире, где никто не учил его подобным тонкостям. Он искренне полагал, что разницы нет. Острая неловкость, холодная и липкая, поползла вверх по позвоночнику. Ему нестерпимо захотелось провалиться сквозь землю или

просто сбежать.

Чу Минчжан тихо, пренебрежительно фыркнул. Ли Чжи не знал, что крылось за этой усмешкой — скорее всего, откровенное презрение к его дремучему невежеству.

Разговор увял, повисла тяжелая, гнетущая пауза. Спасением стал официант, лавировавший между гостями с подносом. Глаза Гун Цзе тут же заблестели:

— О, ванильные пирожные из слоеного теста!

Угощения для банкета заказывали напрямую у шеф-повара пятизвездочного отеля. Девушка нетерпеливо указала на них пальцем:

— Попробуй, они просто божественные!

Официант с вежливой улыбкой шагнул ближе. Гун Цзе и Ли Чжи взяли по штуке. Старшекурсник от сладкого отказался, зато стоявшая рядом скрипачка поспешила угоститься. Откусив крошечный кусочек, она восторженно закивала, а затем, слегка порозовев, несмело повернулась к Чу Минчжану:

— Минчжан... угощайся. Они правда потрясающие. Я помню, ты ведь любишь сладкое?

Чу Минчжан — и сладкое? Ли Чжи с трудом мог сопоставить образ этого ледяного, неприступного человека с пристрастием к приторным десертам.

Но юноша лишь мазнул безучастным взглядом по подносу. Не удостоив девушку даже коротким ответом, он заставил ее смущенно притихнуть.

Старшекурсник поспешил разрядить обстановку:

— Ха-ха, ты разве не знала? У нашего лидера пунктик на гигиене. К еде с общих подносов он даже не притронется — брезгует, вдруг кто-то уже облапал.

Он весело рассмеялся, качнув головой:

— Еда, вещи, шмотки... О, с одеждой у него вообще лютая шиза! Стирать его вещи можно только отдельно от остальных. Стоит кому-то примерить его куртку или рубашку — все, пиши пропало, он ее больше никогда в жизни не наденет. И это не прихоть, он ко всем так относится, даже к собственному отцу. Помню, как-то раз наши семьи вместе укатили на острова...

— Довольно, — холодно перебил его Чу Минчжан, едва заметно скривив губы. — Сколько лет

прошло, а ты все старое поминаешь.

Намек был предельно ясен: нечего ворошить пыльное прошлое.

Старшекурсник опустил ресницы и тонко, понимающе улыбнулся. Ли Чжи показалось, что эта улыбка выглядит пугающе знакомой... Точно так же он сам улыбался всего пару минут назад.

В эту минуту Ли Чжи чувствовал себя так, словно его швырнули в чан с дикой смесью специй: во рту горчило, в носу свербило, а в груди все смешалось в неразличимый ком. Он и представить не мог, что восторг, горечь, трепет и робость способны уживаться одновременно. Сердце превратилось в коробку с конфетами-сюрпризами, где у каждой — свой непредсказуемый, странный вкус, для которого в человеческом языке просто не придумали названия.

— Так у тебя, оказывается, пунктик на чистоте, — пробормотал Ли Чжи.

Чу Минчжан медленно повернул к нему голову. Ли Чжи затаил дыхание, снизу вверх глядя на него. Бешеный стук собственного сердца отдавался в ушах. Перед мысленным взором калейдоскопом замелькали воспоминания — от их самой первой встречи до сегодняшнего вечера.

Он вспомнил тот яркий луч прожектора, объединивший их на долю секунды, вспомнил, как Чу Минчжан стоял на сцене, буквально залитый этим ослепительным светом. В том сиянии черты его лица расплывались, стирались, превращая юношу из обычного человека в осязаемый сгусток чистого блеска.

«Если бы только... если бы я мог стать таким, как он».

«Если бы я умел с такой же легкостью притягивать чужие взгляды, вызывать безоговорочное уважение. Если бы я мог быть таким же сильным, красивым, безупречным».

Чу Минчжан не удостоил его ответом — лишь смерил холодным взглядом и пошел прочь. Ли Чжи долго смотрел ему вслед, чувствуя, как под рубашкой от бешеного пульса проступает липкий пот.

Выходит, Хань Цзыяо нагло соврал. Чу Минчжан выбросил ту одежду вовсе не из ненависти лично к нему, а из-за банальной брезгливости...

Просто причуда богатого мальчика, у кого их нет? Чу Минчжан по-прежнему оставался для него недостижимым, ослепительным идеалом, кумиром, перед которым все заискивали и перед которым преклонялись. Ли Чжи до судорог, до крика хотел стать хотя бы блеклой его копией.

Вот только тайным, глупым мечтам суждено было сгнить в темноте. У Чу Минчжана уже был

тот, кто занимал его мысли. Единственный человек, которого он подпускал к себе, — его близкий друг.

Очевидно, Чу Минчжан был равнодушен к Гун Цзе. Стоило только посмотреть, как холодно он держался со старшекурсником, пресекая любые попытки завести светскую беседу.

Похоронив зарождающееся, хрупкое чувство глубоко под землей, Ли Чжи позволил слепому, фанатичному обожанию взять верх. Копившаяся неделями серая апатия бесследно испарилась, уступив место какому-то болезненному, горячечному азарту. У него наконец-то появилась цель.

Солнце... Оно горело вечным, необоримым огнем, даруя тепло и жизнь.

Ли Чжи не глуп, он не просил для себя участи стать вторым светилом — миру вполне достаточно одного.

Ему нужно было лишь одно: чтобы солнце проявило каплю милосердия и швырнуло ему под ноги крошечный, жалкий лучик. Лишь бы согреться. Лишь бы выжить.

— Этот долбоёб точно умом тронулся, — Хань Цзыяо ловко подпрыгнул, отправляя мяч в безупречный полет. Тот с сухим шорохом провалился в корзину, даже не задев кольцо. Цзыяо мотнул головой в сторону: — Опять приперся.

Чжоу Баюй даже не поднял головы. Насупившись, он ожесточенно строчил кому-то сообщение в телефоне. Не дождавшись ответа, Хань Цзыяо раздраженно закатил глаза и швырнул отскочивший от пола мяч в сторону Чу Минчжана. Тот даже рук не поднял, позволяя снаряду укатиться.

— Блять, — в сердцах выругался Цзыяо. — Да что с вами сегодня? Играть будем или как?

Баюй так и проигнорировал его — похоже, очередная пассия оказалась крепким орешком. А Чу Минчжан тем временем неторопливо направился к противоположному краю площадки. Там, переминаясь с ноги на ногу, стоял худой, почти прозрачный парень со взлохмаченной шевелюрой, робко прячущий лицо за отросшей челкой.

— О, привет, — выдавил робкую улыбку Ли Чжи. Он быстро зыркнул на пустую площадку: — Вы... сегодня еще будете играть?

— Ты почему опять здесь? — Чу Минчжан недовольно свел брови к переносице.

— Воды принес, — Ли Чжи робко протянул ему бутылку. Весна уже вовсю вступала в свои права, и пластиковые бока ледяной минералки мгновенно покрылись каплями конденсата.

Чу Минчжан шумно, со свистом выдохнул сквозь зубы:

— Ли Чжи. Какого черта тебе от меня надо?

Он искренне не понимал этого парня. После того жесткого разговора в прошлом семестре Ли Чжи вроде бы притих, перестал постоянно маячить перед глазами. Но стоило пройти этому дурацкому банкету в честь начала учебы, как все началось по новой.

Даже хуже, чем раньше.

Это ничтожество, которое раньше бледнело и втягивало голову в плечи от любого резкого слова, вдруг превратилось в непрошибаемую стену. Чу Минчжан уже сбился со счета, сколько раз повторял ему одно и то же:

— Мне ничего не нужно.

— В школе полно кулеров.

— Я не беру воду у чужих людей.

Обычно нормальные люди сразу все понимали и исчезали. Так было всегда: стоило Чу Минчжану скривить губы или сухо бросить пару слов, как назойливые обожатели в ужасе разбегались, словно завидев чуму.

Но Ли Чжи словно оглох. Впервые в жизни Чу Минчжан столкнулся с проблемой, перед которой пасовал, и виной тому был этот жалкий, забитый замухрышка.

Шло время, но Ли Чжи лишь упорствовал. Чем яростнее Чу Минчжан пытался от него отгородиться, тем настойчивее тот сокращал дистанцию. Он вёл себя как личный слуга: дежурил вместо Минчжана, раздавал за него тетради, таскал воду. Одноклассники откровенно глумились над ним:

— Ли Чжи, ты теперь его цепной пес? Шестерка?

— Наверное, — безропотно соглашался Ли Чжи.

— А сам великий господин Чу в курсе?

Ему плевали в лицо, выставляли на посмешище, клеймили бесхребетным дураком, но он лишь виновато, жалко улыбался в ответ.

В один из тех дней Чу Минчжан сидел за партой, чувствуя, как внутри закипает глухое бешенство. Он с такой силой перевернул страницу учебника, что бумага с противным треском лопнула на треть длины. Он ожесточенно крутил в пальцах ручку, пока та с негромким стуком не улетела под соседний стол.

Он наклонился, чтобы поднять ее, но его пальцы случайно столкнулись с чужими — тонкими и ледяными. Ли Чжи успел перехватить ручку первым и протянул ее, тихо, почти интимно прошептав:

— Держи.

Чу Минчжан замер, глядя на протянутую вещь. Пальцы Ли Чжи были болезненно бледными, почти прозрачными, а кожа так плотно обтягивала суставы, будто под ней совсем не было плоти.

В груди поднялась волна удушливой, необъяснимой ярости. Подчинившись злему порыву, Чу Минчжан вырвал ручку и демонстративно швырнул ее в мусорное ведро под партой. Не достаивая одноклассника даже взглядом, он процедил:

— Не смей трогать мои вещи. И близко ко мне не подходи.

Тогда этот придурок действительно затаился. Но хватило его ненадолго. И вот он снова стоит здесь.

— Я? Ну... я просто пришел извиниться, — Ли Чжи торопливо спрятал бутылку за спину и, точно фокусник, вытащил из кармана два билета. На его лице снова расплылась эта дурацкая, заискивающая гримаса — полуулыбка, полуплач. — Ты ведь больше не злишься, да? Я тут билеты в кино взял... Сходим вместе?

— Ли Чжи, — услышал Чу Минчжан собственный голос. — Ты что, реально больной?

<http://bllate.org/book/20441/2132428>